

©2001 г.

ПИТИРИМ СОРОКИН

СОЦИАЛИЗМ И СОЦИАЛЬНОЕ РАВЕНСТВО

Принцип социального равенства является одним из основных принципов социализма. Учение социализма является учением уравнительным. Но что такое само социальное равенство, каково его содержание и основные формы - это вопрос далеко не решенный. Мало того, в самой социалистической литературе он достаточно резко не ставился и достаточно подробно не обсуждался. Поэтому, пора его поставить резко, не решить, а именно поставить.

Какое содержание обычно вкладывается в понятие социального равенства? Энгельс в "Анти-Дюринге" указывает, что социализм требует только уничтожения классового неравенства и требует равенства экономического, означающего право на полный продукт труда, право на более или менее равномерное распределение экономических благ соответственно труду каждого. Такое равномерное распределение становится возможным в будущем социалистическом обществе, построенном на принципе обобществления средств и орудий производства. Все остальные виды равенства, в частности, равенство интеллектуальное и равенство моральное, доктриной социализма не требуются. Энгельс даже считает такие требования абсурдными.

Встает вопрос: может ли социализм мыслить социальное равенство только в смысле равенства экономического? Не будет ли идеал социализма ограниченным, если он в свое понятие равенства не включит и требование равномерного распределения не только экономических, но и интеллектуально-моральных благ: знания, уважения, добра, почета и т.д.

Ответ, думается, придется дать один, и ответ положительный. Несомненно, понятие социального равенства было бы очень узко, если бы оно означало только требование

Данная статья вошла в собрание публицистических работ, издававшихся в период с марта по декабрь 1917 г.: П.А. Сорокин. Заметки социолога. Социологическая публицистика // Под ред. профессоров А.О. Бороноева, И.А. Голосенко, В.В. Козловского. СПб.: Алетейя, 2000. 300 с. Эта книга фактически является документом эпохи и по ее материалам можно проследить процесс формирования социологической системы классика мировой социологии.

экономического уравнивания. Ценности знания, ценности добра, ценности прав - политических, гражданских и т.д. современным человечеством ценятся не меньше, чем ценности экономические. Поскольку человечество борется за равномерное распределение благ экономических, оно не в меньшей степени боролось, борется и должно бороться и за равномерное распределение благ интеллектуально-моральных.

История XIX и XX вв. - прекрасный свидетель сказанного. Эти века наполнены борьбой за равномерное распределение благ чисто правовых и моральных (борьба за политическое право, избирательное право, право собраний, слова, печати, союзов, право управления и народоправства, борьба за равенство перед законом, борьба против правовых привилегий и т.д., и т.д.); такой же борьбой заполнены эти века и за равенство благ интеллектуальных: знания (борьба за всеобщее бесплатное обучение, за свободные школы, за доступную науку, литературу и т.д.) Человечество боролось за эти ценности не только как за средство к имущественным благам, но и как за самоценности.

Раз так было в прошлом и так есть, может ли быть иначе в будущем? Человечество, несомненно, будет и впредь бороться с еще большей энергией за равное распределение этих благ. Вот почему социализм может и должен под своим понятием равенства понимать и требовать не только равное распределение экономических благ, но и благ интеллектуально-моральных. Последние не менее ценны, чем первые. Последние именно составляют основные и высшие ценности культуры, и социализму ли не бороться за равномерное распределение этих драгоценностей, этих алмазов цивилизации?

Мало того. Социализм должен бороться за эти формы равенства еще и потому, что без достижения их он едва ли сможет достигнуть равенства экономического и даже сколь-нибудь сносных гарантий свободы и независимости. Легко понять, что в обществе, состоящем из умных и невежд, всегда дана почва для эксплуатации одних другими, для хитроумного угнетения первыми последних, всегда дана почва для всяких авантур и явных или скрытых тираний, как экономических, так и всяких других.

Но раз так, раз социальное равенство означает не только равенство экономическое, но и морально-интеллектуальное, то не следует ли из этого, что понятие равенства становится утопией, явно неосуществимой фантазией? Ведь, явно кажется, что требовать уравнивания идиота с Ньютоном, Христа с преступником вещь абсурдная? Не очевидно ли, что такого уравнивания можно достигнуть лишь путем низведения Ньютона до дурака, Христа до разбойника, а в таком случае, не является ли само требование равенства регрессом, понижением культуры, ее разрушением?

Итак, не является ли чистой утопией возможность социального равенства в этом широком значении?

Чтобы так или иначе ответить на него, нужно рассмотреть те препятствия, которые стоят на пути к достижению этой цели. Эти препятствия, очевидно, не одинаковы по отношению к различным формам равного распределения социальных благ.

Что касается, прежде всего, возможности равномерного распределения благ правовых и политических, то теперь едва ли кто может оспаривать осуществимость правового и политического равенства. Не может оспаривать потому, что в XIX и XX вв. такое равенство перестало быть желанием, а превратилось в факт. Начиная с 1789 г., хотя и не без колебаний и временных поворотов, но все же с упорной настойчивостью, история неуклонно осуществляет начало правового и политического равенства всех граждан, стремящегося превратиться в равенство всех людей. "Декларация прав" была первым резким выражением этого процесса. С того времени стали трюизмами, и трюизмами почти осуществленными, такие практические истины политико-правового равенства, как падение сословных привилегий, равенство всех граждан перед судом, право каждого гражданина избирать и быть избираемым (всеобщее etc. избир. право), отмена монополий на занятия публичных должностей, постепенное уничтожение неравенства в сфере религий, в области национальных ограничений, равное право каждого на свободу слова, печати, союзов, собраний, совести, неприкосновенность личности и т.д.

Все эти факты не что иное, как прямое свидетельство самой жизни, абсолютно разбивающее всякие доводы против возможности и осуществимости правового и политического равенства. Противники равенства могут изобретать самые хитроумные аргументы, но эти аргументы не в состоянии опровергнуть фактов жизни, данных воочию, все растущих и все ширящихся и каждый день приносящих все новые и новые свидетельства роста и развития политико-правового равенства. Русская революция 1917 г. и отмена всяких привилегий - только одно, новое звено длинной цепи этого уравнивательного процесса. Весь исторический процесс с этой точки зрения может рассматриваться как постепенный уравнитель-

ный поток, размывающий на своем пути все многочисленные плотины и перегородки религиозного, правового и политического неравенства.

Дано было неравенство вождей (управителей) и управляемых. Неравенство резкое, вначале абсолютное. Оно пало. Оно кончилось тем, что грань между теми и другими в наши дни стерта. Со времен Руссо и даже раньше сам народ был признан суверенным, его воля - волей государства, избрание и делегирование им - источником власти. Сама власть из господина превратилась в социально-служебную власть, в приказчика, поставленного народом и исполняющего его волю.

Дано было неравенство полов. Женщина в древнем обществе была бесправной рабой, вьючным животным, считавшимся к тому же "поганым" и "скверным". Теперь ее права почти равны правам мужчины во всех отношениях. Если этот процесс уравнивания еще не везде абсолютно закончился, то окончательное его завершение - вопрос времени и времени очень недолгого.

Дано было неравенство религий. Исторический процесс начался с положения: "Нет Бога и нет истинной религии, кроме той, которую исповедует данная группа". Это положение вело к всемерному способствованию торжества своей религии и к подавлению огнем и мечом всех других религий. Концом его является провозглашение свободы совести, равенства религий и прав ее адептов.

Дано было неравенство людей, "своих" и "чужих". Человеком признавался в древности лишь сородич - член своего рода или тогема. Только по адресу его не допускались насилия и преступные посягательства. Все, стоящие вне своей группы, были врагами - чужеродцами (hostis), по адресу которых допускалось все и вся, которые в сознании члена определенной группы были абсолютно бесправны и не защищены законом. Чем же кончается в наши дни этот процесс? Тем, что провозглашается принцип: "всякий человек - самоцель". Всякий человек, в силу того только, что он человек, имеет неотъемлемые права человека и гражданина. Все люди начинают рассматриваться как равные члены одной, единой семьи - человечества.

Дано было неравенство каст. Неравенство абсолютное, не допускавшее совершенно перехода из одной касты в другую, не допускавшее никогда, ни при каких заслугах, знавшее лишь одно извержение из касты - за преступление. В этом случае дифференциация общества была абсолютной и достигшей грандиозных размеров. Права и привилегии каст были резко различны. Число самих каст было громадно. В индусском обществе, напр., каст было не четыре, как говорит об этом кодекс Ману, а несколько десятков, даже сотен. И всякий человек, со всем своим потомством, как раб к жернову, навеки был прикован к своей касте. Чем же закончилось кастовое неравенство? - Уничтожением и падением каст и переходом этого вида неравенства в более мягкий вид неравенства сословного.

На смену ему, в ряде случаев, пришло последнее. Оно росло, пухло, жило столетия и, в свою очередь, изжило себя самого. Ночь 4-го августа 1789 г. была тем пограничным столбом, который отметил начало конца сословного неравенства. После этой ночи сословия во Франции пали. В течение XIX века этот процесс вымирания сословного неравенства продолжался и в итоге привел почти к полной его ликвидации во всех странах. Революция 1917 г. смела остатки его и у нас, в нашей отсталой стране. Умерло дворянство, умерли "низшие" сословия и на смену им явился равноправный гражданин.

Не будем продолжать наш список различных форм правового и политического неравенства, данного в прошлом, и постепенно ликвидированного историей. Судьба их одинакова. Начав с резкого неравенства, каждая форма вымирала и приводила к равенству.

Таков в основных чертах процесс ликвидации неравенства правового и политического, данный в истории. Из чаяний и желаний в наши дни он стал фактом. Поэтому, его не приходится доказывать, а приходится только указывать на него. И это указание вполне достаточно, чтобы сказать всем тем, кто оспаривает осуществимость этой формы равенства: "раз жизнь ее осуществила, то, значит, она и возможна, и реальна, и значит, что все наши аргументы не стоят ломаного гроша".

Итак, равенство политико-правовое не только возможно, но оно уже дано. Истории осталось лишь сделать последние мазки своей великой уравнивательной картины, чтобы окончательно устранить остатки этого неравенства и завершить свое уравнительное творчество.

Перейдем теперь к неравенству экономическому и посмотрим, какие препятствия стоят на его пути к равномерному распределению экономически-имущественных благ, какие пути предлагаются для преодоления этих препятствий и способны ли они привести к поставленной цели, т.е. к экономико-имущественному равенству.

В предыдущей статье я кратко очертил общую постановку вопроса и указал, что политическое и правовое равенство - одно из форм социального равенства — действительно осуществляется с поступательным ходом истории. По мере приближения к нашему времени политико-правовые блага все равномернее и равномернее распределяются между людьми.

Спрашивается теперь: можно ли то же самое утверждать и об экономических благах? Можно ли думать, что с поступательным ходом истории происходит и постепенное осуществление экономического равенства, т.е. распределение благ впоследствии делается все более и более уравнивающим? Если подобная тенденция намечается, то можно ли полагать, что пределом ее развития будет полное экономическое уравнение?

Если обратиться к ортодоксальной догматике немецкой социал-демократии, то в ней мы категорического и вполне определенного ответа на этот вопрос не находим. Если же такие ответы и находятся и имеются, то они скорее решают вопрос отрицательно; если же дают положительный ответ, то самими авторами он предлагается не как достоверное нечто, а как предположение, которое может осуществиться, но может остаться и утопией.

Возьмем для примера Эрфуртскую программу К. Каутского. Касаясь вопроса о распределении продуктов в государстве будущего, Каутский справедливо указывает, что решение его стоит в зависимости от характера производства и продуктивности последнего. Но по какой формуле будет производиться это распределение: по формуле ли: "каждому - продукт его труда", или по формуле: "каждому по его потребностям", или по формуле: "каждому - равное количество продуктов", - К. Каутский окончательного ответа не дает. Возможно, говорит он, что при интенсивности производства осуществится формула: "каждому по его потребностям", но всего вероятнее, что, подобно заработной плате, и "в социалистическом обществе будут встречаться друг подле друга самые разнообразные формы распределения продуктов". Ответ, быть может, и правильный, но далеко не определенный.

Переходя к вопросу о равенстве распределения экономических благ он дает те же уклончивые ответы. Определенным вполне является только один пункт: это обеспечение каждому минимума средств существования и увеличение благосостояния всех трудящихся классов. Но дойдет ли эта уравнивательная тенденция до своего предела, и если дойдет, то в какой форме она осуществится - вопрос остается открытым.

Если обратиться к таким авторам, как А. Менгер, то, не отрицая роста экономического равенства в государстве будущего, он, тем не менее, определенно утверждает, что и в нем "полное экономическое уравнение всех граждан невозможно". Невозможно в силу того, что и в будущем обществе управляющие будут более обеспечены, чем управляемые; образованные - более, чем необразованные. Тот же результат вызовет и факт неодинаковой трудоспособности и трудолюбия отдельных членов общества.

В силу этих причин полное экономическое равенство, по мнению А. Менгера, неосуществимо. Но вместе с тем в этом будущем государстве, "при отсутствии земельной и денежной собственности, различие в экономическом положении будет лишь настолько велико, чтобы поощрять соревнование граждан, не вызывая ненависти и зависти оставшихся позади".

Что касается этих причин экономического неравенства в будущем обществе, то нельзя сказать, чтобы они были непреодолимы. Прежде всего, с превращением власти господствующей в власть социально-служебную, - факт, который никто не может оспаривать, - исполнение публичной функции вовсе не должно обозначать и экономическую привилегированность. Если в прошлом и отчасти в настоящем управление связывалось со всякими синекурами, то эта связь не может существовать в будущем. И теперь уже всякие жалованья управителей, начиная с высших и кончая низшими, в общем и целом едва ли могут быть названы как нечто экономически привилегированное. Доходы "управляемых" сплошь и рядом не только не ниже, а напротив, выше доходов управляющих. При социалистическом же строе, когда должна исчезнуть всякая разница между гражданином и должностным лицом, когда всякий гражданин будет считаться лицом, несущим публичную службу и обратно, сама дифференциация управителей и управляемых должна исчезнуть, в силу этого исчезнет и экономическое неравенство этих групп населения.

Более серьезными препятствиями к осуществлению экономического равенства являются неодинаковый умственный уровень членов общества и неодинаковая их трудоспособность и работа.

Относительно первой причины здесь заметим лишь то, что, как постараемся это показать в следующих статьях, с поступательным ходом истории мы можем и должны видеть и постепенное интеллектуальное уравнивание. Коль скоро последнее действительно совершается, тем самым интеллектуальное неравенство постепенно перестает быть силой, препятствующей равномерному распределению экономических благ.

Что касается того факта, что и в будущем обществе не все члены будут трудиться, а если и будут - то не одинаково, а если и одинаково - то сама работа будет далеко не одинаково легкой и не всем доступной, а в силу этого не может быть осуществлено и полное экономическое равенство, то заметим следующее:

Будущее общество может быть и будет обществом, основанным на трудовом начале. Можно думать, что принцип труда будет его основным принципом. В силу этого - добровольно или принудительно, но все работоспособные его члены, исключая, конечно, детей, калек и т.д. должны будут за страх или за совесть, в силу внутренней потребности, отбывать трудовую повинность, подобно тому, как теперь отбывают воинскую повинность...

Далее, можно и должно ожидать, что в будущем обществе будут производиться только социально-необходимые и социально-полезные работы. Выбор той или иной формы труда может быть предоставлен индивиду, но поскольку каждая из форм работы необходима и полезна обществу, постольку может и должна быть и равная экономическая расценка их, сообразно ли критерию часов работы, или какому-нибудь другому. Если же скажут, что и в пределах одного числа рабочих часов один выработает больше, другой - меньше, почему и расценка их работы должна быть различной, то в ответ я могу указать, что и теперь чиновник одного ранга и профессии получает одинаковое жалование, хотя продуктивность их работы в одни и те же часы далеко неодинакова. Почему того же не может быть и в будущем?

Это тем более может быть, что в грядущем острота всех этих вопросов неизбежно должна смягчиться. Смягчиться потому, что благодаря обобществлению средств и орудий производства минимум экономических благ каждому будет обеспечен. Смягчится потому, что и сами члены будущего общества должны быть людьми бесконечно более альтруистичными и социально воспитанными, чем мы. Социализм придет не завтра. Его осуществление еще далеко. Понимаемый правильно социализм наступит только тогда, когда необходимая для него "социализация людей" достигнет надлежащего развития.

Учитывая быстрый рост знания и техники можно думать, что в будущем обществе производство разовьется настолько сильно, что продуктов хватит с избытком для удовлетворения всех нужд его членов. Осуществление формулы: "каждому по его потребностям" действительно будет возможным. А эта формула делает излишними всякие эгоистические расчеты и устраняет всякие конфликты, способные возникнуть на почве распределения экономических благ.

Спрашивается теперь, действительно ли история дает нам доказательства того, что человечество приближается к такому состоянию? Думается, да. Правда, казалось, никогда еще не было такого контраста между бедностью и богатством, между миллиардерами и нищими, как в наше время. Но знание этого контраста не следует переоценивать. Контраст богатого нобили и раба в Риме был не меньшим, а большим. Вниманию следует обратить на иные, более знаменательные факты. Разве все XIX и XX столетия не есть постепенное движение к изъятию нетрудовых доходов? Налоги на наследство, прогрессивно-подходящий налог, изъятие в пользу общества доходов, получаемых вследствие возрастания самой ценности земли в городах, независимо от воли владельца, все более и более растущая заработная плата, или доля трудовых классов в общественном доходе, всевозможные формы страхований на случай смерти, болезни, старости и т.д., роль общественных и государственных монополий, государственная регулировка и ограничение прибылей капиталистов, все растущая и растущая сила трудовых классов, а следовательно - и их требований; наконец, сам рост социалистических тенденций, - все эти и сотни подобных фактов, которыми наполнены XIX и XX век - что же все это, как не выражение одной великой тенденции - тенденции к все более полному осуществлению экономического равенства?

Только слепой может не видеть этого, и только невинный младенец может полагать, что процесс экономического уравнивания на этом остановится. Исторический паровоз давно уже вступил на определенные рельсы и чем далее, тем быстрее и быстрее начинает катиться по этим рельсам. Станция, к которой они ведут, носит название социалистического общества вообще, и общества, построенного на принципе экономического равенства, в частности.

Иной дороги - нет.